

амоубийство доведенных до отчаяния людей — не такое уж редкое событие в Иране. И тем не менее смерть служащего министерства юстиции 46-летнего Джаффара Тахери послужила поводом к массовым выступлениям в иранской печати и вызвала бурную реакцию общественности. В письме на имя министра юстиции, объясняя причины самоубийства, Тахери писал: «Я вел жизнь труженика, получал в месяц 520 туманов. У меня семья из семи человек. Как я мог продолжать жить на эту зарплату при ежедневно растущей дороговизне». Тахери, сфотографировавшись накануне самоубийства с детьми, написал на фотографии: «Трудно отцу покинуть четырех детей, но у меня нет другого выхода».

Похороны Тахери вылились в демонстрацию, участники которой с гневом говорили о бедственном положении миллионов иранцев. Во многих выступлениях звучала глубокая тревога за будущее страны.

Оснований для этого более чем достаточно. Экономика серьезно расстроена. Жизнь в Иране стремительно дорожает. «Цены на продовольственные товары и товары первой необходимости», — пишет газета «Марде мобарез», — растут с каждым днем, а руководители вместо того, чтобы позаботиться об улучшении положения народных масс утверждают, что все растущая дороговизна свидетельствует о повышении покупательной способности населения». Национальная торговля приходит в упадок, сельское хозяйство стоит на грани катастрофы, тысячи крестьян уходят в города на заработки и, не находя работы, пополняют армию безработных.

С каждым месяцем жизнь трудящихся Ирана становится все более невыносимой. Те, кто не может платить за жилье, оказываются на улице. Эти люди — их сотни тысяч — вынуждены жить в землянках в грязи и сырости. Безработица охватывает все большее количество иранцев. Недавно иранские газеты писали о жизни рабочих закрывшейся текстильной фабрики Решта. Положение этих людей, оставшихся без средств к существованию, настолько тяжелое, что даже приехавшие ознакомиться с их жизнью представители властей были потрясены картиной народного горя. На заводском дворе они увидели группу рабочих, истощенных от голода до такой степени, что они не имели сил даже передвигаться.

Газета «Эльм ва зандеги» писала, что в городе Семнани, приблизительно в 200 километрах от Тегерана, царит страшная нищета, болезни, безработица. В Ширазе, сообщала та же газета, рабочие текстильной фабрики два месяца не получают заработной платы. На этой фабрике жестоко эксплуатируют подростков и детей. Девятилетний мальчик получает здесь в день девять риалов, в то время как килограмм хлеба стоит десять риалов.

А ведь, казалось бы, такая страна, как Иран, занимающая одно из первых мест на Востоке, после Кувейта и Саудовской Аравии, по добыче нефти, должна процветать. Почему же Иран не имеет возможности пользоваться доходами от добычи нефти? Ведь по сообщениям иностранной печати, Иран ежегодно получает более 275 миллионов долларов по концессионным платежам за нефть. Иранская печать откровенно сообщает, что сотни миллионов долларов разворованы казнокрадами. Слов нет, казнокрадов и взяточников в Иране хватает. Но только ли они опустошили государственную казну? Нет, важная причина тяжелого экономического положения в Иране, по твердому убеждению иранской общественности, — это так называемое сотрудничество с Соединенными Штатами.

«Вот уже более 14 лет, как в нашу страну, — пишет газета «Недас сепкер», — идет поток американских советников. Они просочились во все сферы нашей жизни, диктуя свою волю. На протяжении этого времени ничего не предпринимается без совещаний с американскими советниками». Шесть тысяч американских советников, военных и гражданских, финансовых и технических находятся в Иране, получая зарплату до пяти-шести тысяч туманов.

Американские банки и монополии навязали Ирану различные планы и проекты, среди которых особенно печальную известность завоевал проект экономического развития Хузистана. За все эти планы американские бизнесмены получили миллионные суммы. Но хотя прошло уже немало лет, ни один из проектов не осуществлен, а Хузистан, преобразованием которого «занимает-

ся» компания «Дивелопмент энд ресурз корпорейшн оф Нью-Йорк», до сих пор один из самых отсталых районов Ирана.

Губительно влияет на экономику Ирана и неравноправная торговля с Западом. Не так давно иранское министерство торговли сообщило, что в 1960 году Иран ввез иностранных товаров на 600 миллионов долларов, а своих товаров вывез, исключая нефть, лишь на 100 миллионов долларов. Дефицит торгового баланса Иран вынужден покрывать за счет своего золотого запаса и кабальных займов и, таким образом, еще больше влезать в долги.

Когда речь заходит о Международном консорциуме, иранская печать часто сравнивает его с пауком, безжалостно пьющим кровь иранского народа. К слову сказать, соглашение с консорциумом подписал в 1954 году нынешний премьер-министр Али Амини, бывший тогда министром финансов. Как показали прошедшие с тех пор годы, это соглашение явилось самым тяжелым ударом по национальным интересам Ирана.

По этому соглашению консорциум получил монопольное право на разведку, добычу, переработку

ПО СТАРОМУ КУРСУ

Я. МАЛЫКИН

и транспортировку нефти. Нефтяным монополиям Запада, входящим в консорциум, были переданы все нефтеперегонные заводы, нефтепроводы, электростанции, порты, железные дороги и другие сооружения. Более того, консорциуму предоставлено исключительное право на бесплатную эксплуатацию земель и вод, которые лишь на бумаге числятся собственностью Иранской национальной нефтяной компании. Таким образом, консорциум представляет собой как бы государство в государстве.

Грабительно захватив национальное богатство Ирана — нефть, консорциум получает от ее добычи баснословные прибыли. По подсчетам американских экономистов, каждая тонна иранской нефти приносит монополиям Запада 12 долларов прибыли, в то время как ее себестоимость около полутора долларов. Всего же иранская нефть дает монополиям свыше 800 миллионов долларов в год. Иранцы, работающие на предприятиях консорциума, жестоко эксплуатируются. Газета «Эттехаде мелли» писала, что «иранцы-рабочие консорциума не имеют даже минимума заработной платы, у них нет приличных условий жизни. Они лишены элементарных прав, предусмотренных законами о труде и социальном страховании. «Если из доходов от нефти, добытых потом рабочих, выделяются какие-либо подаяния и премии, то их делит между собой вышестоящее начальство, а рабочие, то есть истинные хозяева богатств, не принимаются во внимание».

В стране с каждым годом увеличиваются военные расходы. Повышаются налоги, особенно косвенные. В угоду агрессивным кругам США усиливается милитаризация. Подсчитано, что участие в СЕНТО и двустороннем ирано-американском военном союзе обошлось Ирану довольно дорого — около ста миллиардов риалов. И это в то время, когда Иран испытывает острую нехватку средств для создания национальной промышленности, строительства ирригационных сооружений, больниц, школ, в которых так нуждаются иранцы.

Никто в Иране не может сказать, что полезного дало стране участие в СЕНТО. Зато отрицательные последствия этого союза становятся все более очевидными с каждым днем. Не случайно одна иранская газета назвала СЕНТО железными кандалами на руках Ирана.

Иранцы, естественно, стремятся как можно быстрее избавиться от этих кандалов. Как никогда раньше народ решительно выступает против различных форм политической и экономической зависимости Ирана от США, за проведение иранским правительством политики, отвечающей интересам нации. Ширится забастовочное движение. Так, в апреле-мае состоялась потрясшая всю страну забастовка учителей Тегерана, которая вылилась во всеобщий протест против невыносимых условий жизни. К бастующим учителям присоединились студенты, ремесленники, торговцы. Начались демонстрации. Против демонстрантов были двинуты войска и полиция, которые открыли огонь. Дело принимало серьезный оборот, и в этих условиях правительство Шарифа Имама было уволено в отставку. Новым премьером стал бывший посол Ирана в Соединенных Штатах Али Амини.

В своем интервью итальянской газете «Джуститиа» премьер-министр Амини, касаясь внутреннего положения Ирана, вынужден был признать, что страна находится на грани экономического и финансового банкротства. Иранцы убедились, что основная причина бедствий Ирана кроется в его участии в военных блоках империалистов, требовали выхода

из СЕНТО, возвращения к нейтралистскому курсу, установления дружественных отношений со всеми странами. Однако общественности Ирана хорошо известно, что новое правительство не только не намерено предпринимать что-либо для удовлетворения этих требований, но, наоборот, стремится во что бы то ни стало продолжать прежний внешнеполитический курс. Новые иранские правители за сравнительно короткий срок уже несколько раз заявляли о том, что Иран будет верен союзу с Западом, то есть СЕНТО и двустороннему американо-иранскому военному соглашению.

Новое правительство, с целью смягчить недовольство народа, обещало провести коренные изменения, чтобы оздоровить экономику и облегчить участь миллионов иранцев. На деле же оно продолжает прежний курс, означающий для Ирана полную политическую и экономическую зависимость от США. Оно намерено и впредь ассигновать колоссальные суммы на гонку вооружений и усиливать милитаризацию страны в угоду СЕНТО. Это значит, что Иран и впредь будет послушным исполнителем воли империалистов, что его экономика окончательно потеряет национальный характер, а миллионы иранцев по-прежнему будут жить в нищете и бесправии.

Подавляющее большинство иранцев с горечью сознает, что пагубная внешняя политика изолирует страну от миролюбивых народов Востока, ухудшает отношения с ними. «Участие Ирана в СЕНТО», писала иранская газета «Донья», — представляет собой политическое самоубийство: все расходы, связанные с участием в пакте СЕНТО, тяжелым бременем ложатся на плечи иранского народа». Военные соглашения, подобные пакту СЕНТО, ирано-американскому военному договору принесли стране нищету и разруху «и втянули нас в «холодную войну», — вторит небезызвестная газета «Эрэдзе Азербеджан».

Однако лица, ответственные за внешнюю политику Ирана, игнорируют насущные требования иранской общественности. В связи с этим корреспондент индийской газеты «Индиан экспресс» Питер Мэнсфилд писал из Тегерана: «Д-р Амини по существу не отличается от своих предшественников. Он не желает осуществлять какие-либо реформы».

В то время как иранцы все активнее объединяются вокруг группировок, которые обещают принять действенные меры для предотвращения катастрофы, спланиваются и объединяются на борьбу за коренное изменение внутренней и внешней политики Ирана бегство из обанкротившихся партий «Мардом» и «Меллиюн» приняло массовый характер. Обе эти партии, созданные правящими кругами Ирана в подражание Западу для «демонстрации свободы и демократии», разваливаются.

Зато растет популярность Национального фронта — буржуазной организации, которая была запрещена после реакционного переворота 1953 года. Теперь она возобновила свою деятельность. Эта организация, идейным вождем которой является Мохаммед Мосаддык, объединяет оппозиционные элементы и весьма разнородна по своему составу. В ее руководстве преобладают реформистски настроенные представители интеллигенции и средней буржуазии.

Большим событием в политической жизни Тегерана явился 80-тысячный митинг, проведенный Национальным фронтом в мае. На митинге была принята резолюция, требовавшая от правительства соблюдения конституции и «обеспечения всех записанных в ней свобод».

В тегеранской печати опубликовано нечто вроде программы-максимум Национального фронта. Основные положения ее изложил на пресс-конференции один из лидеров фронта Керим Санджаби. Он заявил, что Национальный фронт требует пересмотреть договор 1954 года с Международным нефтяным консорциумом, отказаться от участия Ирана в СЕНТО, немедленно провести выборы в меджлис, принять экстренные меры для улучшения экономического положения в стране.

Хотя требования Национального фронта носят весьма умеренный характер, самый факт его возникновения взбудоражил иранскую реакцию и агентов американских монополий в Иране. 21 июля полиция захватила клуб Национального фронта и его штаб-квартиру, арестовала лидеров партии. Эти действия были предприняты, чтобы предотвратить демонстрацию, намеченную на этот день, но запрещенную правительством.

Американских агентов особенно беспокоят боль-

шие успехи проводимой Фронтом кампании за нейтральный Иран. Реакционеры препятствуют улучшению советско-иранских отношений. А ведь хорошие добрососедские отношения с Советским Союзом были бы только на пользу народу Ирана. У СССР нет никаких территориальных и любых других притязаний. Советский Союз хочет, чтобы Иран был сильным, процветающим, независимым государством.

В настоящее время между Национальным фронтом и правительством Амини ведется усиленная борьба. Члены кабинета Амини постоянно выступают с демагогическими обещаниями реформ, которые якобы принесут благоденствие иранцам. Число сторонников Фронта продолжает расти. Будущее покажет, чем окончится эта борьба. Ясно одно: иранский народ не желает больше пассивно ждать новых бед. Простые люди все активнее участвуют в политической жизни, борясь за свои права, за национальную независимость, за будущее страны.

Сорная травы западной „цивилизации“

В борьбе индонезийского народа за укрепление независимости своей страны не последнюю роль играет и борьба против тлетворного влияния западной «цивилизации».

Выступая перед молодежью города Сурабаи, президент Сукарно говорил: «Разве это не печально, юноши и девушки? Почитайте, например, объявления в джакартских газетах — я сожалею о том, что газеты помещают подобные объявления. Отметьте это, журналисты. Объявление: школа рок-н-ролла; другое объявление: мюзик-банд, еще один мюзик-банд. Из десяти мюзик-бандов девять носит английские названия. Правильно это или нет? Один называется «Блю мун мюзик-банд», другой — «Тинейджерс мюзик-банд». А что они играют?

Ни один из них не исполняет нашу музыку — «Пангкур» или «Синанг», ни один не исполняет наш танец «Ленсо». Нет, все песни иностранные. И даже не просто иностранные, но иностранные сумасбродные. Я не против того, чтобы брать из-за границы хорошее. Изучайте Бетховена, изучайте Шуберта, изучайте Баха, изучайте Штрауса... Это лишь обогащает нашу самобытность. Но я не люблю, мне не нравится, когда юноши и девушки берут от внешнего мира лишь его сумасбродство».

В настоящее время в стране ведется кампания за присвоение индонезийских названий магазинам, кинотеатрам, фабрикам. Значительно увеличилось количество индонезийских фильмов, демонстрируемых на экранах страны. Правительство поощряет изучение истории Индонезии, ее культуры, литературы, возрождение национальных танцев.

Однако «империализм в области культуры», как говорят индонезийцы, еще не отказывается от надежды отравить сознание индонезийской молодежи, исказить ее душу.

В больших университетских городах страны еще можно встретить молодых людей и девушек в странном наряде — картонный зеленый колпак на голове и картонная табличка на груди. Это студенты-первокурсники, про-

ходящие испытательный срок перед приемом в студенческую корпорацию. На табличках надписи: «Мусор», «Бабник», «Живой труп» и так далее в том же роде, если не хуже. Считается, что все это выбивает «спесь» из новичка, приучает его к скромности и покорности старшим.

Старшекурсники иной раз заставляют новичков, еще не вошедших в корпорацию, выполнять за себя тяжелые и унижительные работы: мыть полы, чистить уборную, бегать с поручениями.

Этот «обычай» — «подарок» западной цивилизации. Он пришел в Индонезию из университетов Западной Европы. Прогрессивная студенческая молодежь борется с этой «традицией», носящей в Индонезии название «стрижка», так как новичков-юношей обычно стригут наголо.

Джокьякартское отделение Индонезийского союза студентов направило протест университету «Гаджа Мада» в связи с тем, что во время «посвящения» новичков-студентов технического факультета заставляли с завязанными глазами ползать по грязной канаве, пролезать под стульями и целовать порнографические картинки.

Воистину, немного «потеряли» бы индонезийские студенты, если бы «свет западной цивилизации» не дошел до них!